
А. Громыко

О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Обсуждение в России событий 100-летней давности, в отличие от еще недавнего времени, сегодня отмечено более спокойным подходом к событиям прошлого, более взвешенными оценками. Идет интересная научная дискуссия. Достаточно ново и то, что вдумчивое обсуждение Русской революции, т.е. многоступенчатых событий 1905–1917 гг. и их последствий, теперь совпадает с установкой большей части российских политических кругов на то, что различные периоды истории страны связаны между собой, не перечеркивают друг друга и обладают преемственностью.

Сказанное не означает, что в отношении Русской революции в обществе, среди ученых, в доморощенном истеблишменте сложился консенсус, отнюдь. Разброс мнений по-прежнему велик вплоть до диаметрально противоположных, пусть более и не выкрикиваемых на площади в громкоговоритель. При этом такую «перпендикулярность» нельзя списать на то, что она присуща спорам дилетантов. Входящие в лобовое столкновение оценки высказывают и интеллектуалы, знатоки, мыслящие люди, которых трудно заподозрить в дилетантизме и, тем более, невежестве.

Конечно, пестрота взглядов на Русскую революцию становится менее вычурной, палитра красок, которыми каждый пишет свою картину тех событий, обретает большую гармонию, когда круг спорящих сужается до профессиональных историков. Но и среди них согласия нет и, судя по всему, не будет. Возможно, ответ на вопрос «Почему?» достаточно очевиден. Речь идет об одном из самых сложных и узловых моментов в истории России, которому однозначную оценку дать просто невозможно.

Действительно, та революция настолько перевернула Русский мир вверх дном, настолько противопоставила одни слои общества другим, что искать среди них однозначно правых и виноватых бессмысленно. В гражданских войнах таковых никогда не было, в какой бы

Алексей Анатольевич Громыко – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН (г. Москва).

стране они ни происходили. И у «белых», и у «красных» была своя правда, а общественные разногласия настолько глубоки, что насилие приняло огромный масштаб. По похожему шаблону протекала Гражданская война 1861–1865 гг. в США или Великая французская революция 1789 г. В отношении Англии в первую очередь вспоминают о Славной революции 1688 г., практически бескровной. Но до нее был взлет насилия гражданской войны середины XVI столетия, а до них война Алой и Белой розы, уничтожившая огромное по меркам того времени количество англичан.

С чем теперь связано более спокойное, сбалансированное отношение к Русской революции? Думается, что причина в постепенной деидеологизации этой темы. Построение новой России после крушения Советского Союза во многом опиралось на отрицание советского прошлого. Соответственно Октябрьская революция, а по сути фаза радикализации революции Февральской, подверглась остракизму. Ведь именно Октябрь стал формальной точкой отсчета следующим 74 годам отечественной истории, на отрицании которых был выстроен пафос антисоветской фронды. Но так как история в принципе материя не черно-белая, а рациональное мышление и здравый смысл рано или поздно пробивают дорогу в умах людей, был неизбежен определенный «отскок» в оценках Русской революции и в целом – в отношении к истории своей страны.

Деидеологизация периода Русской революции не равнозначна отрицанию востребованности идеологии для государственного строительства. Здесь опасен другой перекокс – пренебрежение важностью больших идей для современного периода развития России. Конечно, речь не идет о необходимости некоей доктрины, а то и догмы, навязываемой государством обществу. Имеется в виду востребованность национальной идеи, которая могла бы питать не только стремление к потребительскому комфорту, но и придавать вдохновенность национальному проекту в его сопоставлении с другими. Опять же, смысл не в мобилизации масс для претворения в жизнь установок правителей, а в подведении под стремление к жизни в достатке какой-то более высокой материи, если хотите, национальной идеи. Возможно, что ренессанс вдумчивого интереса к Русской революции – это проявление ностальгии по прошлому, вызванной неудовлетворенностью идейных (или безыдейных) метаний после 1991 г., проявление попыток нащупать нечто большее, чем стремление к увеличению возможностей потребления.

Русская революция – это, прежде всего, элемент «длинной истории» как методологии оценки масштабных и протяженных исторических событий с высоты времени, без личной, классовой, идеологической или какой-либо иной ангажированности, оценки события, что называется, по гамбургскому счету без эмоций и с максимальной

сосредоточенностью на вечно ускользающей объективности. 1905 г. вместе с Февралем и Октябрем 1917 г. встроены в единый поток времени, они – элементы единого исторического процесса. 1905 г. – это предтеча Февраля, а Октябрь – его радикальное продолжение. Если выступить с позиций историзма, т.е. представления о том, что в истории ничего не берется ниоткуда, и любые крупные исторические события подготовлены предшествующим периодом, как и сами во многом предопределяют, хотя и не детерминируют будущее, то Октябрь неразрывно связан с Февралем. Февраль, а не Октябрь, стал началом водораздела в истории России, ее перехода от абсолютистской и конституционной монархии к чему-то новому, принявшему в конце концов форму утопии.

Конечно, объективность в истории – вещь во многом недостижимая и риторическая. Достоверность в исторических оценках достигается не с помощью бездушного и потому точного измерительного прибора, будь то микроскоп или телескоп, а в результате мыслительного процесса исследователя-историка, который пытается синтезировать огромное количество фактов или полужафтов, причин и следствий, интерпретаций и мнений. И все же представляется, что большинство специалистов уже вынесли в той или иной форме свой вердикт – Русская революция отражала глубинные процессы в российском обществе, как и глубинные процессы во внешнем мире, стала результатом множества факторов, как субъективных, так и объективных, которые сошлись в одной точке.

Избежать Русской революции к 1917 г., наверное, было уже нельзя. Если же и можно, то лишь в том смысле, что с равным успехом Европа могла бы избежать Первую мировую войну или Наполеон поражения при Ватерлоо, или Александр Македонский фатального похода в Индию, или Германия прихода к власти Гитлера, или Советский Союз развала. Но такие рассуждения не имеют смысла – события свершились и изменили ход истории. Предотвращать их или пускать по иному руслу можно было бы до того, как они произошли, но никак не после. Сваливать все на случайность, заговоры, помутнение рассудка или чей-то злой гений – не имеет отношения к истории как к науке. Остается анализировать историю такой, какая она есть, и с помощью выводов и накопленного, а главное – учтенного опыта, стараться менять к лучшему настоящее и будущее.

Как в случае любого эпохального события, тему Русской революции легко утопить в произвольных интерпретациях и сослагательных наклонениях. Говорят, что Царская империя находилась на подъеме, что Россия вот-вот оказалась бы в 1918 г. одной из победительниц в войне, что она получила бы проливы и т.п. Но в чем смысл этих рассуждений? В том, чтобы доказывать упущенную возможность Царской империи существовать вечно? Но даже если не было бы

Февраля, то, какое будущее ждало бы ее? Мы же знаем из истории, что все европейские империи рухнули в XX в., и многие из них – более передовые в экономическом, техническом, социальном отношении, чем Россия Романовых. Тогда получается, что и они все могли сохраниться, но погибли из-за ошибки, стечения обстоятельств или дурного настроения полководца, проигравшего ключевую битву.

Но сыграем в эту игру и предположим, что Царская империя пережила бы Первую мировую войну. Дожила бы она до Второй мировой? Если нет, и Россия развалилась бы на куски не в 1917 г., а позже, намного ближе к 22 июня 1941 г., то где была бы та стратегическая глубина, которая не позволила немцам, их союзникам и вассалам взять Москву, Сталинград, Северный Кавказ и т.д.? Если да, то, что стало бы с Царской империей в период антиколониальной, национально-освободительной борьбы, прокатившейся по всему миру после 1945 г.? Или Царская империя в отличие от всех других, пережила бы и ее?

Отдельная и необъятная тема – влияние Русской революции на Россию, Европу и мир в целом. Поэтому лишь пунктирно.

Во-первых, результатом стало сохранение и даже приращение территории России в границах Царской империи. Это наследие было потеряно только в 1991 г., когда всех других ее конкурентов начала XX столетия уже давно не было на политической карте мира. Чем не успех с позиции голой геополитики?

Во-вторых, был дан мощный импульс для развития Лево́й идеи и практики во многих десятках государств. Где-то они были извращены левым экстремизмом, как, например, в Камбодже, но не более, чем правая политическая мысль была где-то извращена правым экстремизмом, включая Германию Третьего рейха, Италию Муссолини или Чили Пиночета.

В-третьих, именно Советский Союз стал главным автором разгрома нацизма и фашизма. Цена этой Победы огромна, но кто доказал, что она больше, чем цена поражения, случись оно?

В-четвертых, противостояние мира социализма и капитализма во многом определило, благодаря бешеной конкуренции между ними, небывалые темпы научного и технологического прогресса, как и прогресса социального. При этом гипертрофировать такое противостояние, например, утверждением, что СССР самим фактом своего существования был виноват в расколе мира на два лагеря, грозивших друг другу ядерным оружием, не стоит. Бойня Первой мировой войны случилась до возникновения страны Советов, как не была политика СССР причиной Второй мировой. Что касается атомной бомбы, то важно напомнить, что создана она была не Советским Союзом, а США. Тем более, появилась большая бомба не из-за противостояния с СССР, а для того, чтобы Вашингтон решил в первую очередь свои военные задачи в борьбе с общими врагами – Германией и Япо-

нией. То есть она появилась значительно раньше начала «холодной войны», а значит, никак не могла быть ее следствием. Что касается более позднего противостояния двух ядерных сверхдержав, то оно не только не привело к третьей мировой войне, но и, напротив, создало условия для достижения в мире стратегической стабильности.

В-пятых, Советский Союз как следствие Русской революции стал после 1945 г. мощным фактором национально-освободительной борьбы, в результате которой независимость получило большинство государств, которые сегодня образуют Организацию Объединенных Наций. Конечно, СССР руководствовался в этом как идеологическими, так и прагматическими соображениями. Но вне зависимости от этого, он был на «правильной стороне истории», так как способствовал краху колониальных империй, которые во второй половине XXI в. стали очевидным анахронизмом.

Наконец, сам факт существования Советского Союза – многие годы символа Левой идеи, т.е. идеи социальной справедливости, – и его политика способствовали облагораживанию капитализма, повышению его эффективности, обретению им «человеческого лица», созданию «государства благосостояния» в Западной Европе и внедрению социальной рыночной экономики. Достаточно вспомнить слова Дж. М. Кейнса о том, что целью его учения была не победа социализма, а спасение капитализма.

Русская революция и через 100 и, наверняка, через 200 лет после своего свершения будет оставаться предметом жарких споров. Как известно, в споре рождается истина, а если быть более точным, то здоровая конкуренция идей. Осмысление Русской революции предоставляет возможность задуматься о цене стратегических ошибок, об опасностях гражданского противостояния, о востребованности национальных идей, о величии и беспощадности истории.